

— Напомни, почему мне, взрослому, адекватному человеку, фармацевту с пятилетним стажем работы в престижной лаборатории, надо идти на вечеринку косплееров?

Спокойствие. Только спокойствие. Чем мне нравилась школа в России, так это уроками ОБЖ. Хорошие были уроки, жизненные. Наш учитель говорил: «При встрече с диким зверем стойте на месте, сохраняйте спокойствие и не делайте резких движений. Тогда он на вас не кинется». Регина же с кисточками в руках была гораздо страшнее дикого зверя. Сопротивление было чревато травмой глаза.

— Потому что наша Лу Тан заболела, а по размерам её костюм подходит только тебе, — терпеливо повторила она. — Плюс там в сценке нужно будет спеть, а у неё партия сложная, и запись в конкурсе не прокатит! Ты песню знаешь, поёшь круче...

— А без этой Лу Тан нельзя?

— Нет, Лу Тан обязана выйти на сцену сегодня и с блеском спеть! Мы хотим победить в конкурсе, и ты нам в этом поможешь. У тебя рост подходящий, опыт, и вообще со сценой была дружба.

Из моей груди вырвался тяжелый вздох. Вот и аукнулось мне айдовское* прошлое. Честное слово, была бы

* Айдол — в Корее очень популярная медиаперсона (актер, певец), преимущественно подросткового возраста.

Регина обычной подругой, а не двоюродной сестрой, так и разговора бы этого не было...

— Да, меня терзали подозрения, что помощи в постановке номера вам будет мало. Тебя не смущает, что мне тридцать лет? Как ты думаешь, какая реакция будет у подростков на такую Лу Тан?

— Тебя позавчера ДПС остановила со словами: «Куда родители смотрят?! Иди в школу!» Так что реакция будет нормальная. Сейчас нарядим, накрасим — и будешь настоящей китайской принцессой!

— Корейцы и китайцы отличаются друг от друга.

— Не придирайся к мелочам. Благодаря косметике из тебя вылезет не только китайская тетушка, но и русская бабушка.

Мне показалось, или в голосе Регины и правда прозвучала угроза?

— И расслабься, — добавила она, поймав мой опасливый взгляд на её чемодане. — Эти баночки — для остальных. Тебе же надо только в кимоно завернуться, подвести губы и глаза — и прям вылитая Лу Тан из дорамы. Даже красивее. Спасибо вам, тетя Шинхё, за ваш брак с дядей Витей! Такой прекрасный результат!

— Пожалуйста, дорогая! Вот, возьми лучше мою косметику, эта ужасна. И это не кимоно, это ханьфу.

Мама. Конечно же, без неё никуда. Будь её воля, вся моя жизнь была бы сценой.

— Спасибо за поддержку, мама.

— Что за кислый вид? — тут же отреагировала та. — Я столько сил потратила, чтобы развить твой чудный голос и актерский талант. Проталкивала в Корею, в России, а ты...

— Фармацевт-исследователь, а местами и фармаколог в престижной лаборатории, мама! Что тебя не устраивает? Ведь вместо того, чтобы употреблять сомнительные вещества, я теперь их изобретаю. И мне за это платят. На постоянной основе, независимо от контрактов и продюсеров. Что мне даст роль этой Лу Тан, кроме «спасибо» от вашей команды, Регина?

— Пять тысяч рублей.

Какие-то жалкие пять тысяч за унижительный вечер? Серьезно? Да я одной статьей о туберкулезе больше заработаю!

Видимо, что-то пробилось сквозь маску невозмутимости, потому что двоюродная сестрица шлепнула меня кисточкой по макушке.

— Не смотри так! За десять минут на сцене это официенные деньги!

— Не хочешь пять тысяч — будешь помогать бесплатно, — добавила мама.

Из моей груди вновь вырвался тяжкий вздох. Помогать бесплатно мне ни капли не хотелось.

На новоиспеченную Лу Тан нахлобучили парик и поставили перед зеркалом. Как ни печально было признавать, девушка из меня вышла убедительная. Даже джинсы с футболкой не спасли ситуацию.

— Ах, какая красавица! — прослезилась мама. — Я знала, что дети от смешанных браков получаются красивыми, потому и вышла за Витю, но ты превзошел все ожидания!

Мама была в своем репертуаре. Регина сняла парик, чтобы поправить пару заколок. Волосы сразу растрепались и упали на лицо. Мама заботливо заправила пряди мне за уши и с умилением потрепала за щеки. Сестри-

ца помогла завернуться в ханьфу, стянула мои волосы в куцый хвостик и вновь нахлобучила парик.

— Прелесть!

Я не разделял их превосходного настроения. Нет, ханьфу мне даже понравился. Отличная ткань, вышивка золотой нитью и бисером, мой любимый алый цвет. Плечи сели как надо, и широкий пояс застегнулся идеально. Было видно, что к созданию костюма подошли серьезно. Но при взгляде в зеркало в голову приходило только одно слово:

— Убожество.

Хлопнула входная дверь, и раздались знакомые тяжелые шаги отца. В груди птицей забилась надежда. И отец, мой любимый русский папа, меня не подвел. Едва он заглянул в комнату, как его глаза полезли на лоб. Мама и Регина замерли.

Воцарившаяся пауза была достойна лучших мировых сцен.

— Милая, я всё понимаю, — кашлянув, сказал отец. — И признаю, в худобе ребенка виноваты и мои гены. Но по-моему, это перебор. Привычка делать маникюр вас, конечно, сближает, но не до такой же степени! В остальном-то он нормальный мужик! Зачем ты его в бабу-то передела?! И еще Регинку позвала, чтобы накрасить!

Легкая паника и стыд на личике мамы стали целебным бальзамом для раненого самолюбия. Спасибо, пап. Я знал, что ты сможешь сформулировать моё мнение вежливо и культурно.

Пока родитель разбирался, отчего его сынуля внезапно превратился в девушку, я снял парик и выпутался из халата. Нужно отдать должное китайцам: одежда для

знати у них была не только красивой, но и довольно удобной. Мешали лишь длинные рукава. Я аккуратно положил ханьфу на кровать и тихонечко отступил к выходу.

Матушка и Регина так горячо втолковывали отцу причину маскарада, что забыли про меня. Оставалось только выскользнуть из квартиры, а там запрыгнуть в автомобиль и птицей рвануть куда-нибудь подальше, предварительно отключив телефон...

— Тихон! Стоять! Куда намылился? — спохватилась сестрица.

Мечта о спокойном вечере в гостинице рассыпалась прахом. Я на секунду замер у порога комнаты, прикрыл глаза, мысленно матеря и анимешников, и китайские дорамы, и тех корейцев, которые когда-то оказались в России и породили мою маму с её любовью к первой родине, а потом спокойно повернулся и ответил:

— В туалет. Пап, я тебе сегодня не нужен?

— Нет, не нужен! — бодро отозвался тот. — Помоги девчонкам. Регина, ты же снимешь его выступление, да? Я так давно не слышал, как он поет! Преподавательница говорила, что у него уникальный природный голос, конотенор...

Что? Ты должен был остановить зло, а не примкнуть к нему, отец!

— Контртенор, — поправила мама. — Он поет таким чистым женским сопрано, уникальный тембр!

Да, и этот уникальный тембр в сочетании с моей смазливой внешностью и худощавым телосложением в своё время породил кучу слухов и подозрений насчет моей ориентации. Высказывались даже сомнения в моей принадлежности к мужскому полу. Спасибо,

что научной тусовке была безразлична моя внешность и личная жизнь — всех интересовала лишь последняя вакцина против туберкулеза.

— Да, кстати... — спохватилась Регина.

Её ручки нырнули в сумку, достали какую-то тряпку, развернули — и происходящее окончательно перестало казаться адекватным. Я честно постарался, чтобы лицо не потеряло хваленной азиатской невозмутимости, и даже преуспел, но вот за голосом не уследил:

— Это что?!

— Моё бра! — бодро ответила сестрица и двинулась ко мне.

Старый спортивный топик когда-то телесного цвета угрожающе колыхнулся, заставив попятиться.

— Я вижу, что это твоё старое белье, — очень-очень спокойно сказал я, помня, что на сумасшедших лучше не кричать. — Почему в его чашечках лежит... Что там лежит?

— Разрезанный мячик. И это — твоя грудь! — радостно возвестила Регина.

Я в панике посмотрел на родителей. Мама поощрительно улыбнулась. Отец весело заухмылялся. Мне показалось, или в их глазах действительно только что горели маниакальные, безумные огоньки? Показалось же! Наверное...

— Одевайся! — велел отец. — Ты обязан выручить девочек! Ты — мужчина!

Оскорбленный, чопорный тон получился сам собой.

— Отец, ты понимаешь, что в данной ситуации воззвание к мужественности несколько неуместно?

— Хватит кочевряжиться. Молча оделся, вышел, спел и пришел назад!

Я брезгливо взял бра двумя пальцами. Тряпка не вдохновляла: белье растянулось, посерело, а наполнение чашечек было неаккуратно обшито эластичной тканью. Более отвратительного реквизита я в жизни не видел. Мне жаль было свою новенькую фирменную майку, на которую пришлось надеть это. Нижние одежды костюма прикрыли непотребство, но ощущение гадливости не прошло. Флюиды чужой ношеной вещи, казалось, просочились даже сквозь выбеленную в специальных порошках, прополосканную в ароматных кондиционерах и наглаженную майку. У меня моментально зачесалось всё тело, а в желудке сделалось дурно. Я не страдал нервными расстройствами, нет. Это умирало в корчах врожденное чувство прекрасного, любовно выпестованное годами жизни законченного эстета и сибарита.

— Я похож на трансвестита, — мрачно подытожил я. — Видишь, мама, какую жалкую участь ты мне готовила?

— Успокойся. Войди в образ! — ободряюще хлопнул отец по плечу. — Вон, тот же Стоянов сыграл триста женских ролей! А он ни разу не трансвестит, он юморист!

— Кто? — удивилась Регина.

— Ну, помнишь «Вампиров средней полосы»?..

— Спасибо, родители, — мое ворчание проигнорировали.

Сбежать не удалось. Поняв, что семья встала на сторону сестрицы, я окончательно сдался. Будь проклято корейское уважение к старшим! Будь проклят этот конкурс косплея! Будь проклята... Нет, родителей проклинать нельзя. Родителей я всё-таки любил, несмотря на разногласия. Но и просто пойти покорной овцой туда, куда ведут, не позволила гордость.

— Тогда десять тысяч.

— Что? — возмутилась Регина. — Десять тысяч за три минуты на сцене? А ты не обнаглел?

— Тебя двоюродная сестра просит, вообще-то, — напомнил папа.

— Стыдно с семьи деньги брать! — добавила мама.

Я не дрогнул. Регина была далеко не бедным человеком, а мне требовалась компенсация за испоганенный вечер.

Сестрица же посмотрела на меня так, словно впервые увидела:

— Ты жуткий эгоист, Тихон!

— Да-да, я ужасный человек и очень люблю себя, — безразлично отозвался я и скрестил руки на груди. — Но я тебе нужен, поэтому деньги вперед.

— Сын! — хором воскликнули родители. — Так же нельзя!

— Еще как лзя. У меня вредная работа. Я устал. А Регина тут со своими глупостями лезет.

— Это у тебя-то вредная работа?! — возопила сестрица. — Да твоя лаборатория чище, чем слеза ребенка!

— Десять тысяч, — повторил я. — И гримируй тут. Не хочу светить собой настоящим.

— А то, что ты в таком виде проедешь через весь Новосибирск, тебя не смущает? — саркастично спросила мама.

Я скривился и соврал:

— Не смущает. Новосибирск и не такое видел. Это будет Лу Тан, а не Тихон Викторович. Ну, так что? Десять тысяч, Регина, и я тебе не только спою, но и станцую, и даже спасу кого-нибудь.

Глаза ее сверкнули нехорошим огнем.

— Даже так? Ну, братец, тогда ты отработаешь каждую копейку.

— Да-да, конечно.

После того, как бумажки перекочевали из кошелька сестрицы в мои руки, я дал завернуть себя в остальные женские тряпки, накрашивать губы и, подхватив чемодан с остальными ханьфу, покорно отправился за другими участниками этого... косплея.

Разноцветная толпа психоделического вида немного примирила меня с амплуа Лу Тан. Роль в комической сценке была небольшой, буквально на четыре строчки, даже песня заняла больше времени. Я включил все свои актерские способности, и, кажется, даже жюри не заподозрило, что очаровательная азиатка — это тридцатилетний мужик. А потом Регина схватила меня под локоток и повела наружу, к лавочкам, навстречу раскрашенным подросткам. Сначала я подумал, что она решила прогуляться, но сестрица уверенно потащила меня к фотозоне, где уже фотографировался другой персонаж, принимая позы разной степени героичности. Сообразив, что этот персонаж — главная любовь Лу Тан, я затормозил.

— Ты с ума сошла? Не буду я фотографироваться!

— Ты обещал отработать каждую копейку, — напомнила Регина. — Спеть, станцевать и даже спасти человечество.

— Но не фоткаться! — взревел я. — Не буду! И не уговаривай! А вдруг кто-нибудь меня узнает?

— Ну, братец, тогда ты у меня спасешь... человечество, — прошипела сестрица, но настаивать не стала. Видимо, поняла, что перегнула палку, и отступила.

Лу Тан заняла первое место.

Когда всё это безобразие закончилось, я с удовольствием стащил парик, вручил награду сияющей Регине и с вежливой улыбкой погнал команду к автомобилю. Подростки поныли, побурчали, но послушано переоделись, затолкали свои костюмы в чемодан и побрели следом за мной.

— Лу Тан, а ты почему не переоделась? — спросила Регина.

Я растянул покрашенные губы еще шире и звонким голосом произнес:

— Я не собираюсь раскрывать своё инкогнито, ты забыла?

Сестра закатила глаза.

Тойота мигнула фарами, и команда юркнула в её просторные недра. Мы с Региной подошли к багажнику, чтобы запихнуть туда чемоданы.

— Песня получилась классно, — переговаривались подростки в машине. — Лу Тан вообще смотрелась лучше всех. Прямо как белый лебедь в стае диких уток...

Еще бы Лу Тан не смотрелась! Восемь лет актерской и певческой карьеры так просто не изжить. Я хмыкнул, наклонился за чемоданом и схватился за его ручку. Боковое зрение выхватило странное голубое свечение позади. Оно ярко вспыхнуло и начало стремительно приближаться. Я удивился, почему машина едет, а звука не слышно, как вдруг Регина закричала:

— В сторону!

Я на чистом инстинкте, не выпуская ручку чемодана, дернулся в сторону стены, но свет фар лишь стал ближе, ударил в глаза, вышибая слезы...